

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БССР В 1917–1941 ГОДАХ

Иван ЯНУШЕВИЧ,
кандидат
исторических наук,
доцент

Во все времена православие в Беларуси оказывало решающее влияние на формирование национального характера, утверждение высоких духовно-нравственных устоев. Церковь осуществляла свое служение во всех сферах семейной, общественной и государственной жизни народа. Государственно-церковная идеология была основополагающим элементом развития общества, обеспечивала его единство и способность противостоять радикальным политическим и религиозным учениям. В начале XX века Русская православная церковь занимала доминирующее положение в Российской империи, в том числе в губерниях, на территории которых впоследствии возникла Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Все резко изменилось в 1917 году. Большевики, захватив власть в Петрограде, получили возможность начать на практике осуществление своих программных установок по уничтожению религиозных верований и церковных организаций без учета российской действительности, без необходимости поправок и адаптации. В руководстве партии не было какого-то конкретного плана церковной политики. Не было его и у лиц и структур, ответственных за реализацию поставленной задачи. Антицерковные мероприятия зависели от конъюнктурных идеологических указаний. Эволюция политики Советского государства по отношению к Русской православной церкви (РПЦ) в Белоруссии еще не стала в полной мере объектом научного анализа. Представляется важным комплексное изучение таких основополагающих направлений антирелигиозной политики большевиков, как уничтожение идеологического и экономического потенциала Церкви, разрушение ее административно-управленческой структуры.

Провозглашаемыми лозунгами инициаторы Октябрьской революции внешне стремились более к перерождению человечества, чем к проведению внутригосударственных реформ. Для реализации грандиозных планов требовался новый

тип человека, с абсолютно свободно управляемым мышлением и запрограммированным мировоззрением, поэтому для нововведений необходимо было расчистить «строительную площадку». В период до Великой Отечественной войны антирелигиозная деятельность большевиков в агитационно-пропагандистской области сводилась к следующему: максимальное ограничение пропагандистских возможностей религиозных организаций; создание партийно-государственных антирелигиозных структур и обеспечение их деятельности; формирование идеологических установок в антирелигиозной сфере и распространение атеизма.

Придя к власти, большевики начали проводить жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18 лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандировался атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции: вместо икон – портреты вождей

большевиков, вместо креста – звезда, вместо церковных песнопений – революционные песни. Все религиозные действия ограничивались исключительно стенами богослужебных помещений.

Атеистическое наступление в годы Гражданской войны и интервенции носило ярко выраженный репрессивный характер. Лидеры большевиков предполагали стремительными силовыми мерами на протяжении одного-двух лет покончить с религиозностью населения. Однако насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» оказались неэффективны. В решениях X–XII съездов партии просматривается поворот от прямой конфронтации с религиозными организациями и духовенством в плоскость усиления разъяснительных мероприятий. Основным оружием антирелигиозников должна была стать пропаганда материализма, проникнутая идеями воинствующего атеизма. В программы обучения, в том числе при стажировках ответственных работников, в обязательном порядке вводились курсы естествознания с антирелигиозным подтекстом. Атеистическому воспитанию должны были служить регулярные лекции, доклады, диспуты в школах, на фабриках и заводах, в учреждениях. Но и к середине 1920-х годов подобная деятельность не привела к значительным результатам. Работа по распространению атеизма тормозилась по причине чрезвычайно малого количества ответственных антирелигиозников, недостатка квалифицированных лекторов и докладчиков, ограниченности средств на издание соответствующей литературы. На местах основное внимание руководства уделялось решению социально-экономических проблем. Даже среди членов компартии, комсомола и в Красной армии наблюдался высокий процент религиозности.

Наиболее действенной формой проведения антирелигиозной работы в агитпропотделах партии считали кружки при фабриках, заводах и учреждениях. Для объединения всех атеистически настроенных сил создавался Союз безбожников,

в котором должна была сконцентрироваться вся антирелигиозная работа. Наладить работу Союза безбожников оказалось чрезвычайно сложно. Даже партийные органы не спешили выполнять установки ЦК ВКП(б) в данной области. Реальной, систематической поддержки «безбожникам» на местах практически не оказывали. Антирелигиозная деятельность у ответственных работников популярностью не пользовалась. Численность Союза безбожников в БССР к апрелю 1927 года составляла только 4506 человек. Итоги десятилетия антицерковной деятельности стали достаточно неожиданными. По мере освобождения духовенства от всего того, что составляло его внешнее благополучие, могущество церкви прирастало духовно в сердцах и умах. Откровенные гонения на Церковь у населения, недовольного политикой руководства страны, только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. В то же время революция породила достаточно сильное атеистическое движение, не с лучшей стороны повлиявшее на духовно-нравственное состояние общества.

Ситуация в стране в конце 1920-х годов резко изменилась. Споры о формах антирелигиозной борьбы стали неуместны, а невыполнение установок ЦК партии могло привести к плачевным последствиям для руководителя любого уровня. С 1928 года в структуре парторганов была введена оплачиваемая ставка антирелигиозника. Партийные, комсомольские организации и иные органы обязывались оказывать Союзу безбожников организационную и материальную помощь. В напряженной внутривластной ситуации начала 1930-х годов антирелигиозная деятельность по отчетным показателям значительно усилилась. Численность Союза воинствующих безбожников (СВБ) в БССР выросла до 217 тыс. членов. Провозглашенная в 1932 году «безбожная пятилетка», однако, не привела к появлению в республике «религиозной пустыни». К 1937 году СВБ в целом по всему Советскому Союзу

ЯНУШЕВИЧ

Иван Иванович.

Родился в 1974 году в д. Забулье Слонимского района Гродненской области. В 1996 году закончил исторический факультет Белорусского государственного университета, в 1999 году – аспирантуру РИВШ БГУ.

С 1999 по 2002 год работал в ЦК ОО «БПСМ», в 2002 году – в Комитете по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь.

С 2002 по 2005 год – заведующий сектором аналитической работы БГУ. В 2005 году возглавил научно-методический отдел идеологической и воспитательной работы высшей школы РИВШ. С апреля 2005 – заместитель декана гуманитарного факультета БГУ по учебно-воспитательной работе.

Член экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь.

Кандидат исторических наук, доцент.

Автор 45 научных публикаций.

Сфера научных интересов: государственно-церковные отношения, развитие конфессиональной ситуации в Беларуси.

находился на грани развала. Не лучшим образом обстояло дело и с религиозностью. Согласно переписи населения 1937 года, 57 % граждан СССР старше 16 лет отнесли себя к верующим. Несмотря на внешне не столь уж радужную ситуацию на антирелигиозном фронте, необходимо констатировать, что безбожием было поражено около половины населения страны. Нет оснований полагать, что все они были материалистами, но в лоно Церкви они уже не стремились.

Первые лица большевистской партии понимали важность материальных ресурсов в обеспечении жизнедеятельности лю-

Руины Успенского собора в д. Пустынки Мстиславского района Могилевской области

бой организации. Религия и церковь в их представлении были какими-то аморфными явлениями, «идеологической надстройкой», не имеющей под собой необходимого запаса прочности. В.И. Ленин, возможно, по аналогии с политическими партиями, полагал, что церковь, в частности православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис. Давление в экономической сфере сводилось к следующим основным направлениям: отъем собственности; законодательное ограничение хозяйственной деятельности, создание неблагоприятных условий для функционирования церковно-приходских советов; ущемление священнослужителей в семейно-бытовой сфере. Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 года, когда декретом «О земле» Церковь

лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [1, с. 13]. Декрет от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13 – «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [2, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи, непосредственно не предназначенные для богослужения. Были закрыты банковские счета религиозных ассоциаций. Летом 1920 года под лозунгом учета и хранения религиозного имущества, имеющего историческое, художественное и археологическое значение, проводился дальнейший отъем церковной собственности. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 года было проведено практически полное ограбление храмов.

Дальнейшее ограничение хозяйственной деятельности религиозных организаций должно было произойти при их регистрации. Согласно инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 года «О регистрации религиозных общин» запрещались членские взносы. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – отопление, охрана, поддержание чистоты и так далее. Религиозная община могла открывать счета в банках, занося средства на имя отдельных граждан, так как церковные организации были лишены прав юридического лица. Запрещались принудительные сборы на храмы. Приравнивание религиозных общин к частным, уплата ими налогов по тем же ставкам, что и предпринимателями, а также обложение торговли культовыми предметами промысловым налогом – все это делало предметы культа дорогостоящими.

Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-

бытового характера. Дети священников не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек – глава Православной церкви в Белоруссии – проживал в комнатке площадью 3 кв. сажени [3, л. 73]. Материальное положение православного духовенства было критическим. Митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ.

В 1927 году Госстрах резко увеличил страховой взнос, особенно в отношении богослужебных зданий. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возросло число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5 % от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили в пять, а то и в десять раз больше размера, определенного законодательством.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» Церковь практически полностью лишалась возможности организовывать свою хозяйственную деятельность. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные

организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные представители общин как частные лица, а поэтому подобные сделки облагались непомерными налогами как коммерческие. Начавшаяся в 1929 году борьба с частными предприятиями, а к частникам были отнесены и священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершало процесс грабежа Церкви изъятие колоколов.

Разрушение административно-управленческой структуры РПЦ главным образом сводилось к следующему: уничтожение духовенства и активных прихожан; разрушение системы управления Церковью; создание невыносимых условий функционирования религиозных общин.

Белорусские клирики все же до 1921 года находились в более безопасном, в плане выживания, положении, чем в РСФСР и Восточной Украине. Наличие близкой границы и нестабильность ситуации не позволяли большевикам применять крайние формы репрессий, проводить массовые показательные расстрелы священнослужителей и их семей. Трагическими стали для

Свято-Казанский собор, располагавшийся на месте нынешней площади Мясникова в Минске. Взорван в мае 1936 года

Феофан (Николай Адамович Семеняко), архиепископ Минский в 1934–1935 годах. Расстрелян 10 ноября 1937 года в Дальлаге, Хабаровский край
Фото из уголовного дела

клира 1921–1922 годы. Страшнейший голод в Поволжье явился поводом для полного изъятия церковных ценностей и репрессий против духовенства и верующих. Ликвидация духовенства до 1922 года проводилось хаотично. Систематизировать эту работу должно было постановление ВЦИК от 6 февраля 1922 года, которым ВЧК ликвидировалась, на ее месте создавалось Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. 1 марта 1922 года было образовано ГПУ при ЦИК БССР. Политотделам, а также их уполномоченным предоставлялось право производства обысков, выемок и арестов без специального постановления [4, л. 12]. Этим же постановлением органы ГПУ наделялись правом административной высылки на срок до трех лет в отношении лиц, подозреваемых в причастности к контрреволюционным выступлениям.

Задача разрушения системы управления Церковью в 1920-е годы решалась мерами ареста и высылки наиболее авторитетных и перспективных священников, руководителей всех уровней, насаждением «своих» иерархов. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящиеся к разного рода нововведениям и продвижению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны.

Большинство приговоров духовенству выносилось на сроки 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в лагеря. С 1929 года ситуация коренным образом изменилась. Перед органами внутренних дел ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 году в БССР были арестованы 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [5, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929–1933, 1935 и 1937 годы. В 1937 – первой половине 1938 года в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [5, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны (скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным) погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [6, с. 179].

Задача введения полной монополии на любую общественно-политическую деятельность требовала установления контроля над действующими обществами, союзами и объединениями. 10 августа 1922 года увидела свет инструкция ВЦИК «О регистрации религиозных общин». Согласно инструкции для регистрации религиозной общины необходимо было составить опись имущества и заключить договор об аренде. Договор подразделялся на три основных направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно в соответствии с его прямым назначением. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения, выборные представители приходов несли уголовную ответственность. Если же это происходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [3, л. 12].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности организовывать

свою административно-хозяйственную деятельность. Священник не мог выступать от имени прихода. Он становился наемным работником. Управленческая функция ограничивалась увещанием верующих.

С лета 1927 года под различными благовидными предложениями регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 года в БССР действовало 1013 православных храмов. За 1930 год было закрыто 573 церкви, в 1936 году осталось только 74, а к 1940-м годам в восточной части республики не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [6, с. 173].

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. В результате внешнего вмешательства во внутрицерковную жизнь в противовес патриарху Тихону в 1922 году появилось так называемое обновленческое движение, а после подписания патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием в 1927 году так называемой декларации «лояльности» было объявлено о провозглашении Белорусской автокефальной церкви. Теперь в республике действовали три почти равных по количеству приходов течения православной церкви: обновленцы, сергиевцы и автокефалисты [7, л. 11]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет Церкви. С начала 1930-х годов политика «разделяй и властвуй» для большевиков уже перестала быть актуальной. К 1934 году прекратило существовать обновленчество, к 1937 году – автокефалия.

Задача ликвидации организационно-управленческой структуры РПЦ в БССР к 1940 году была практически выполнена. Духовенство в основном оказалось уничтожено. Большевикам удалось расчленив РПЦ на несколько в определенный момент ожесточенно враждующих частей. Обновленчество компрометировало саму

идею православия и работало исключительно на разрушение Церкви, уничтожение основ православной веры. Но и обновленчество не было однородным. Среди его сторонников были заблуждающиеся, были и те, кто пытался возрождать первохристианские идеалы, но в целом деятельность и итог этого течения были

плачевны. В общем атеистическом угаре отсутствие единства Церкви, постоянные склоки и разбирательства играли на руку антирелигиозникам. По мере укрепления большевистской власти ужесточалось антицерковное законодательство.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что к началу Великой Отечественной войны в деле ликвидации религии и церкви властям удалось добиться ощутимых результатов. Была подготовлена почва для дальнейшего решительного и, возможно, победоносного наступления: мировоззрение половины граждан страны было антирелигиозным, Церковь как организация практически полностью разрушена, зримая система управления ею ликвидирована, храмы закрыты, имущество полностью отнято. Оставшиеся в живых священники были малочисленны и поставлены в невыносимые условия. По сути невоцерковленные верующие подвергались опасности отхода от основ православия, потому что только в лоне Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви возможна жизнь православного христианина. Между тем духовно-нравственный, державный, патриотический потенциал православия остался громадным. Это понимало руководство партии и особенно И.В. Сталин, разумно использовавший его для спасения Отечества во время военного лихолетья. ■

Здания Спасо-Преображенского женского монастыря в Минске. Теперь на этом месте – кинотеатр «Победа»

ЛИТЕРАТУРА

1. Первые декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 311 с.
3. Государственный архив Минской области. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 559.
5. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.
6. Навіцкі, У. І. Змена канфэсіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. // Канфэсіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завалянчук, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 339.